

В новую книгу избранных стихотворений борисоглебца Игоря Лукьянова «По воле Бога и судьбы», вышедшую в Москве, в Издательском доме «Сказочная дорога», вошли произведения, публиковавшиеся ранее в журналах «Аврора», «Подъем», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Приокские зори» и других изданиях.

Разумеется, любая подобная публикация — своеобразный «знак качества» для поэта. Но понятно и то, что читательская аудитория слишком разнообразна, и поэтические пристрастия у всех различные. Да что там читательская аудитория! Даже по отношению к жизни мы все — разные, и Лукьянов остро это осознает:

*Одному бы
Сдаться на потребу
Всех земных пороков
и страстей...
А другому —
Посмотреть бы в небо
С гулким криком
Русских журавлей...*

Во вступительном слове к сборнику, написанном Александром Лысковым, о поэзии Игоря Лукьянова сказано так: «В каждом стихотворении — ощущение космоса, вечности, Бога. Соотнесение с этими великими константами собственных человеческих мыслей, чувств и поступков». На мой взгляд, поэт Игорь Лукьянов именно таков.

Автору книги по душе гвалт грачей под мартовским небом, гремящий в овраге ручей, грусть метели за окном, родные поля, луга и леса. Лукьянов знает, где его корни, и гордится ими: «Я родился в рабоче-крестьянской стране // И воспитан на слове «товарищ». Нет, автор книги не склонен идеализировать прошлое. Но есть нечто важное для него, что не вычеркнуть из памяти. В ней возникает, например, привокзальный перрон его юности, с которого он видел, как «поезда гнала страна, уголь шел, летела нефть — грузы Родины великой»:

*Хоть и были
тюрьмы, зоны...
Сотрясалась
твердь перрона
Государственной стопой...*

На фоне всего радостного и светлого поэту вдвойне больно видеть «лизоблюдов, пройдох и рвачей», «ловкачей словес — лукавцев всех калибров», «воров и скоморохов», «ограбление ложью», «сверхпадение в цене на слова о душе, о добре, словно место им лишь в словаре». Он не может смириться с тем, что сегодня «нет и в помине души, есенинской болью пропетой», что повсюду «бесится песня чужая чужой похотливой крови». В стихотворении «Метро — 2003 год» он рассказывает, как «в проходе стольного метро» ползет спившийся десантник. «Ползет по грязи, как по полю», и грязь эта, увы, морального плана:

*Ползет солдат,
ползет к своим...
Своих — ни впереди,
ни сзади.*

«Жрет все святое потребленья молох...» Для Лукьянова бездуховность — одна из главных причин того, что «дымки отчизны покрывает мрак». К этой теме он возвращается снова и снова: «Душою общество скудеет, // Все смыслы к «бабкам» сведены».

В своем неприятии всевозможных жизненных перекосов поэт бывает ироничным. Но ирония эта — горькая:

*Доведут нас
эти «фейки»,
Эти «хайпы»,
эти «лайки».
Покоримся этой фене
И залаем, как собаки...*

Взяв эпиграфом к одному из стихотворений бессмертные строки Александра Блока («В этот город торговли // Небеса не сойдут...»), Игорь Лукьянов утверждает:

*В черте
буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.*

Сердце поэта переполнено тревогой:

*Не попал под бревно,
под цистерну,
Что свалились
на душу мою,
Но зато угодил
под систему,
Где вольготно
жулью и ворью.
Распустились
сыны беззакония...
Государство
трещит по швам.
Казнокрад со свечой
к иконе,
Словно в офис,
проходит в храм...*

Понятие человеческого греха для Игоря Лукьянова — совсем не относительное, а вполне определенное. В стихотворении «Начнется война...» оно выглядит достаточно жутко:

*Начнется война,
И спалит нас
один крематорий.
Чистилища печь загудит,
от земли до небес.
И горя не будет...
Оно для кого-то ведь —
Горе.
Лишь вздыбится
Грех мировой,
Как обугленный лес.*

Поэт остро чувствует грань между вечным и сиюминутным, преходящим:

*Пред бездомьем
до смерти есенинским,
Пред хибарой,
где кончил Рубцов,
Что вы стоите
с вашими песнями,
Обладатели
вилл и дворцов?!*

В этом же русле Игорь Лукьянов размышляет и о своей работе — о поэтическом творчестве:

*К славе пробиваются
поэты —
Кто поэмой,
Кто строкой одной.
Остается
песней недопетой
Их судьба,
где времени в обрез.
Нет больших
и маленьких поэтов —
Есть поэты с небом
или без...*

Автор книги убежден: поэтическая Муза «нема без гласа Бога»:

*Перед белым храмом
на колени
Упаду я — русский человек.*

«Понять, что русский по судьбе» — эту цель поэт ставит как себе самому, так и своему читателю.

Несмотря на многие грустные строки сборника, на бескомпромиссные оценки поэтом негативных явлений жизни, я бы назвал новую книгу Игоря Лукьянова оптимистичной, жизнеутверждающей. Вспоминая «пацанов пятидесятых», восторгавшихся Котовским, Щорсом и Камо, которых поносят в наши дни «и толстопузый полито-

лог, и ушлый кандидат наук», поэт уверен, что страна придет к праведной цели:

*Герой останется
героем.
Дерьмо останется
дерьмом.*

И совсем не случайно в стихотворении «Оптина Пустынь» звучит:

*...всею душой богомольца
Уверен в бессилии Зла,
Коль есть надо мною
под солнцем
Святые твои купола...*

Гражданственность — характерная черта всех предыдущих книг Игоря Лукьянова. В новом сборнике поэт вышел в новые слои мироощущения и раздумий о месте человека в жизни, о борьбе добра со злом, о кризисе духовности в современном мире. Книга «По воле Бога и судьбы» — яркий пример того, как поэт, пытаясь высказать себя, выражает думы и чаяния многих своих современников.

***Евгений Новичихин,
г. Воронеж.***